

Научная статья
УДК 343.140.01
DOI: 10.17150/2411-6122.2021.4.30-40

Свойства уголовно-процессуальных презумпций

Х.А. Каландаришвили

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Иркутск, Российская Федерация, konsuelo1919@mail.ru

Аннотация. Процесс доказывания всегда являлся и продолжает оставаться центральной проблемой уголовного судопроизводства, с которой связано большинство вопросов современной уголовно-процессуальной деятельности. Познавательный характер процесса доказывания предполагает использование множества приемов, среди которых наибольшей сложностью и значимостью выделяется прием презюмирования. Этот прием юридической техники достаточно полно представлен в отечественном законодательстве. Вместе с тем и в юридической науке, и в теории уголовно-процессуального права, где представлено множество определений законной или правовой презумпции, отражающих различные свойства исследуемого понятия, не сложилось однозначного подхода к пониманию ее сущности. Указанное положение искажает смысловое содержание дефиниции правовой презумпции и приводит к тому, что некоторые авторы и практикующие юристы называют презумпциями нормы права, которые в действительности законными предположениями не являются. В данной статье автором раскрыты понятие, значение и основные элементы содержания (свойства) правовой презумпции как приема юридической техники, оказавшего влияние на формирование и развитие современного российского уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, презумпция, законное предположение, сущность правовой презумпции, признаки уголовно-процессуальных презумпций.

Для цитирования: Каландаришвили Х.А. Свойства уголовно-процессуальных презумпций / Х.А. Каландаришвили. — DOI: 10.17150/2411-6122.2021.4.30-40 // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2021. — № 4. — С. 30–40.

Original article

Properties of Criminal Procedure Presumptions

Ch.A. Kalandarishvili

East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk,
the Russian Federation, konsuelo1919@mail.ru

Abstract. The process of proving has always been and today still is the central problem of criminal proceedings, and most aspects of modern criminal procedure activities are connected with it. The cognitive character of the proving process presupposes the use of multiple methods, the most complex and significant of which is the method of presuming. This method of legal technique is well represented in the Russian legislation. At the same time, legal science and the theory of criminal procedure law, which have multiple definitions of legal or lawful presumption reflecting various aspects of the concept under consideration, do not contain a unified approach to understanding its essence. This situation distorts the meaning of the definition of legal presumption and leads the situation when some authors and practicing lawyers use the word “presumption” to refer to legal norms that are not,

in fact, legal presumptions. The authors describe the concept, meaning and key elements of the contents (features) of legal presumption as a method of legal technique that influenced the formation and development of modern Russian criminal procedure legislation.

Keywords: procedural independence of the investigator, investigator's workload, staffing problems, handing the accused a copy of the indictment.

For citation: Kalandarishvili Ch.A. Properties of Criminal Procedure Presumptions. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2021, no. 4, pp. 30–40. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6122.2021.4.30-40.

В правовой науке термин «презумпция» рассматривается как предположение о наличии или отсутствии какого-либо факта при наличии определенной типичной ситуации, иными словами, *praesumptio peneo quod plerumque fit* (термин «презумпция» происходит из того, что происходит обычно, много раз). Этот прием юридической техники достаточно полно представлен в отечественном законодательстве¹. В теории уголовно-процессуального права признается наличие таких законных предположений как, презумпция невиновности, презумпция знания закона, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора суда и многие другие. Вместе с тем и в юридической науке, и в теории уголовно-процессуального права, где представлено множество определений законной или правовой презумпции, отражающих различные свойства исследуемого понятия. В рамках данной статьи предпринимается попытка определить основные черты законных предположений, используемых в уголовном процессе.

Уже с середины XX в. основоположники учения о презумпциях указывали на то, что источником презумпций является практическая деятельность человека, а не закон. Так, В.И. Каминская

в этой связи замечала: «Презумпция в широком понимании этого слова, точно так же как и правовая презумпция, — это положение, формулирующее какое-либо наиболее обычное, наиболее часто встречающееся отношение» [1, с. 5]. Исследовательский интерес вызывает определение термина «презумпция», данное В.К. Бабаевым: «Правовая презумпция — это закрепленное в законе правило, предполагающее наличие или отсутствие фактов до представления доказательств противного (опровержения презумпции) или запрещающее их опровержение (неопровержимая презумпция). Это правило применяется лишь при достоверном установлении факта (принятии акта), с которым закон связывает действие презумпции. Правовая презумпция учитывает реальные связи и зависимости и потому правильно отражает подавляющее большинство ситуаций, на которые рассчитана» [2, с. 3]. Таким образом, В.К. Бабаев рассматривал искомое понятие как предварительное знание, достоверность которого подтверждается или опровергается при дальнейшем процессе доказывания, а также указывает на то, что заблаговременная уверенность в предварительном знании складывалась исторически и длительный период времени. Аналогичного мнения придерживаются и современные авторы, по мнению Ф.Г. Шахкелдова: «Характерная особенность презумпции состоит в том,

¹ Презумпции так или иначе закреплены в ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ, ст. 20 ГК РФ, п. 5 ст. 10 ГК РФ, ст. 48 СК РФ, п. 6 ст. 108 НК РФ и др.

что, благодаря длительным наблюдениям, выявляется устойчивая связь между фактами, т.е. при появлении одного факта существование другого факта, связанного с ним, предполагается, презюмируется и не требует особого доказательства» [3, с. 13].

По мнению С.С. Алексеева, все без исключения средства и приемы юридической техники вырабатываются прежде всего на практике [4, с. 156]. Данная точка зрения поддерживается исследователями в иных отраслях права. Так, Б.А. Булаевский рассматривает правовую презумпцию в качестве модели юридически значимого явления, основанного на достоверных данных, а также обладающего свойством модельной точности. На наш взгляд, это, с одной стороны, позволяет использовать правовую презумпцию без дополнительных проверок, с другой стороны, неполное соответствие юридически значимого обстоятельства сконструированной модели дает возможность опровержения сформулированного правила [5, с. 40].

Таким образом, в теории сложилось однозначное суждение, что законодатель не является автором презумпции, он лишь провозглашает ее и делает общеупотребительным и обязательным для исполнения правилом; истинным источником презумпции является практическая деятельность определенной общности людей, исторический путь которых сложился таким образом, что в итоге было сформулировано используемое в доказывании юридически значимое предположение, основным признаком которого является признание его опровержимости.

Однако для теории уголовного процесса в дополнение к представленному суждению об истоках правовых презумпций характерны рассуждения о социальной значимости и нравственном

содержании законных предположений. Так, по мнению З.З. Зинатуллина, основной целью использования правовых презумпций следует признать не столько процессуальную экономию и процессуальную эффективность, а их нравственное значение, которое «заключено в их простой констатации, их социальной значимости, вере в них, а потому и необходимости их использования в уголовно-процессуальном доказывании без каких-либо сомнений» [6, с. 211]. Также и Н.Н. Полянский называл презумпцию невиновности непререкаемым началом, важным постулатом уяснения и соблюдения основ судебной этики [7, с. 175]. Следует признать справедливость данного утверждения, с той лишь оговоркой, что для уголовного судопроизводства как для отрасли публичного права всегда «болезненным» являлся вопрос состязательности и равноправия сторон [8, с. 102–104; 9, с. 5–13; 10, с. 92–97], именно из-за этого в литературе всегда уделялось большое внимание социальному назначению и нравственному содержанию правовых презумпций в уголовном процессе, и в первую очередь презумпции невиновности [11, с. 571–573; 12, с. 44–48; 13, с. 51–57]. Однако следует отметить, что никаких принципиальных особенностей в содержании и логическом построении уголовно-процессуальных презумпций нет.

Все исторически сформулированные законные предположения отличаются по своему содержанию, но однородны по механизму действия. Если рассмотреть основные правовые презумпции, наличие которых практически не оспаривается в литературе (презумпция отцовства, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, презумпция невиновности), можно с уверенностью утверждать, что все они ориентированы

на охрану различных интересов. При этом в одном случае объектом их защиты является порядок государственного устройства (презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда), а в другом — интересы участников процесса (презумпция невиновности). Однако механизм правового регулирования всех перечисленных презумпций одинаков, и фактически его основой является главный постулат презумпции добропорядочности (*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat* — кто обвиняет, тот и должен доказать). Так, при рассмотрении вопросов, затрагивающих интересы менее защищенных участников правоотношений, не обладающих, к примеру, правом собирать доказательства, бремя доказывания возлагается на сторону, которая находится в более «сильном» положении (кто обвиняет, тот и должен доказать), с другой стороны, участник, несогласный со вступившим в законную силу приговором, обязан в установленном законом порядке подать жалобу и представить в суде доводы, на основании которых суд кассационной и надзорной инстанции мог бы прийти к выводу о незаконности и неистинности приговора.

И если признается, что правовая презумпция конструируется в процессуальном законодательстве для защиты прав и интересов, то логично предположить, что в рамках доказывания эта защита будет связана с распределением бремени доказывания и возложением бремени доказывания на конкретного участника процесса. Этой же позиции придерживается А.В. Смирнов, по мнению которого, «смысл и назначение презумпций состоит в распределении бремени доказывания, которое есть возложение на сторону неблагоприятных юридических последствий недока-

занности ею того или иного факта» [14, с. 257]. Таким образом, распределение бремени доказывания является важнейшим признаком (свойством) правовой презумпции в уголовном судопроизводстве. Кроме того, можно предположить, что основой всех уголовно-процессуальных презумпций является презумпция добропорядочности, главным постулатом которой является правило о возложении обязанности доказывания на того участника, который не согласен с презюмируемым положением.

Сама природа юридических предположений представляет собой весьма сложный предмет изучения. Это прием юридической техники, характеризуемый как отклонение от нормального порядка доказывания или как «суррогат доказательства» [15, с. 6]. Есть некие события и факты, имеющие юридическое значение, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Однако эти события и факты не всегда можно установить с должной степенью достоверности. Именно в таких случаях законодатель и прибегает к помощи презумпций: он устанавливает предположение, которое будет считаться истинным вплоть до его опровержения. В свою очередь не опровергнутое никем предположение признается единственно верным [16, с. 5].

Исследуя юридическую природу вероятности и ее взаимосвязь с предположением, Д.И. Мейер рассуждал о том, что достаточно часто существование определенных фактов для нас вероятно, однако отсутствует возможность установить их несомненность. И поскольку «вероятность в отдельном случае никогда не исключает возможности факта невероятного; обнимая большинством фактов какой-либо категории, вероятность не дает никакого ручательства

за принадлежность представляющего факта именно к большинству, а не к меньшинству, хотя каждый раз эта принадлежность весьма вероятна. Признание факта существующим по вероятности, что он существует, и называется предположением» [17, с. 31].

Данное замечание является более чем справедливым, поскольку при использовании правовой презумпции в доказывании по уголовному делу всегда существует законодательно установленная возможность с ее помощью установить не соответствующий объективной действительности факт, который может лечь в основу приобретения участником уголовного судопроизводства такого состояния, которое не соответствует действительности. В связи с этим некоторые авторы не раз высказывали свое негативное отношение к правовым презумпциям. В частности, В.Д. Спасович считал, что «юридические презумпции суть вообще зло, которого следует всячески избегать. Законоведение опирается на костыли, называемые предположениями, только тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо и естественно, а должно разрубить его наугад и искусственно». Другой теоретик, Р. Лукич, противопоставлял законное предположение (презумпцию) материальной истине. По его мнению, формальный способ доказывания не способствует достижению материальной истины, а презумпция используется для того, чтобы избежать трудного и сложного доказывания, считая доказанным то, что считается обычным и наиболее вероятным [18, с. 213]. Ю.К. Орлов называл презумпции «методом принятия решений за неимением лучшего, когда просто нет другого выхода» [19, с. 97].

Негативное отношение к правовым презумпциям как к «неизбежному

злу», на наш взгляд, несправедливо. Правовые презумпции позволяют существенно ускорить процесс доказывания, делают его более эффективным и экономным, притом что их наличие в законе позволяет участникам отстаивать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Безусловно, невозможно отрицать, что если сторона, на которую было возложено бремя доказывания, не сможет опровергнуть правовую презумпцию, в процессуальном документе будут установлены обстоятельства, не соответствующие действительности. Так, в случае, если следователем или дознавателем собрано недостаточное количество доказательств по делу, либо при возникновении у присяжных заседателей разумных сомнений в достаточности представленных доказательств лицо, совершившее преступление, должно быть признано невиновным по делу. Однако может ли современный уголовный процесс обойтись без них? По нашему мнению, нет. Современное уголовное судопроизводство, основанное на принципе состязательности, не может безусловной и достижимой целью признавать установление объективной истины по делу. По справедливому замечанию А.С. Емузова, доктрина объективной истины фактически нивелирует главный постулат состязательности — принцип равноправия сторон [20, с. 11], эту позицию поддерживали и поддерживают иные авторы [21, с. 97; 22, с. 68–69; 23, с. 122–128].

Все-таки правовые презумпции не всегда защищают исключительно «неблагонадежных» участников уголовного процесса (презумпция невиновности, презумпция в пользу освобождения). Правовые презумпции иногда стоят и на защите государственного порядка. Так, К.К. Панько, рассматривая пре-

зумпцию знания закона (*ignorantio non est argumento*), совершенно справедливо указывает — презумпция знания закона обеспечивает стабильность правопорядка, «даже наличие исключительных обстоятельств, при которых лицо не могло знать опубликованный закон, не охватывается общей формулой знания закона и не является основанием освобождения от уголовной ответственности при совершении преступления» [24, с. 312].

Таким образом, следует признать, что обязательным свойством правовой презумпции является вероятностный результат ее действия, который может не соответствовать объективной действительности. Однако подобная вероятность существует только в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения субъектом доказывания возложенных на него обязанностей. С другой стороны, использование правовых презумпций в уголовном судопроизводстве дает возможность оптимизировать судебное разбирательство, освобождая сторону от представления доказательств, обойти процессуальные тупики, уравнивать процессуальные возможности сторон, в случае, когда только одна из них обладает возможностью собирать и проверять доказательства.

Представляется, что названные в литературе особенности уголовно-процессуального познания, такие как необходимость принятия решения по делу и ограниченность процесса доказывания процессуальными сроками [19, с. 8], как раз и вынуждают законодателя и правоприменителя пользоваться правовыми презумпциями. Именно необходимая эффективность, результативность и, как следствие, вынужденная процессуальная экономия доказывания в уголовном судопроизводстве являются основной причиной наличия не только презумпций, но и межотраслевой преюдиции и

фикции в российском уголовном судопроизводстве.

Следует заметить, что вопрос эффективности правовой презумпции фактически не исследован в теории уголовно-процессуального права, но рассматривается в теории права. Так, более чем справедливым необходимо признать высказывание М.П. Прониной об эффективности презумпции как об обязательном, постоянном ее свойстве, выражающемся в соотношении цели закрепленного в норме права презюмируемого положения, средств ее достижения и полученных результатов [25, с. 53].

Таким образом, презумпция — это в первую очередь способ экономии мышления², представленный в уголовном судопроизводстве в виде приема юридической техники. Использование этого приема в доказывании обусловлено, во-первых, необходимостью четкого разграничения обязанностей сторон, во-вторых, возможностью принятия процессуального решения в любом случае. Указанный прием укоренился в уголовном процессе, поскольку для разрешения спора и регулирования правоотношений конкретный вывод необходим, этот вывод ложится в основу процессуального решения и подкрепляется мерами государственного воздействия.

Большой массив законных предположений как в законодательстве, так и в правоприменительной практике указывает на необходимость дифференциации правовых презумпций по различным основаниям.

² Субъективно-идеалистическое положение, по которому критерий истины всякого познания состоит в достижении максимума знаний с помощью минимума познавательных средств. Введен этот принцип австрийским философом и физиком Махом Эрнстом («Принцип сохранения работы», 1872) и Авенариусом («Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты сил», 1876 г.).

Так, согласно функциям, выполняемым ими в процессе правового регулирования, законные предположения можно подразделить на материальные (основная цель — установление юридического факта) и процессуальные (основная цель — определение бремени доказывания).

Следует отметить, что современные отечественные исследователи при определении вида правовых презумпций по данной классификации в первую очередь исходят из нормативно-правового акта, в котором закреплено законное предположение. Данная позиция представляется более чем обоснованной, однако возникает соответствующее затруднение при рассмотрении правовых презумпций, закрепленных, к примеру, в иных федеральных законах, кроме УПК РФ и УК РФ, либо сформулированных Пленумом Верховного Суда РФ. В подобной ситуации необходимо исходить как раз из сущностных признаков, разработанных в теории уголовного права и процесса, поскольку содержание и сущность материальных и процессуальных презумпций весьма различна. Так, для материальных презумпций не характерен признак наличия правила о распределении бремени доказывания. Вообще исследование правовых презумпций в уголовном праве в настоящее время представляет собой отдельное самостоятельное учение, в рамках которого сформирован собственный отраслевой подход к материальным презумпциям. Так, по мнению Ю.Г. Зуева, «материально-правовой аспект презумпций выражается в том, что они представляют собой регламентированное в уголовном законе предположения о наличии (отсутствии) юридически значимого факта, влекущего: а) существование материальных и проявление, развитие соответствующих процессу-

альных правоотношений; б) конкретизацию правового значения отдельных обстоятельств дела; в) предопределение уголовно-правовой оценки преступных действий» [26, с. 331]. В.В. Тарасенко в своем диссертационном исследовании предлагает не только конкретный список признаков, отражающих сущность уголовно-правовых презумпций, но и их исчерпывающий перечень в российском законодательстве [27, с. 4].

В вопросе о дифференциации правовых презумпций на материальные и процессуальные в отечественной правовой науке наиболее обоснованной, на наш взгляд, остается позиция, сформулированная В.И. Каминской: «Если условное принятие за истину не составляет непосредственного содержания нормы, а является лишь основанием для установления в правовой норме какого-либо обязательного порядка отношений между людьми, то мы имеем дело с материальной презумпцией... Если же какое-либо обстоятельство, представляющееся законодателю вероятным или из каких-либо иных соображений юридически принимаемое им за истину, составляет содержание правовой нормы, регулирующий процессуальный вопрос о том, что считать доказанным, — мы имеем процессуальную презумпцию» [11, с. 50]. Сходного мнения придерживается М.П. Пронина, которая пишет, что юридико-практическое значение правовых презумпций состоит в том, что «в одном случае презумпции освобождают участников судебного процесса от доказывания определенных фактов, признаваемых законом как существующих, исходя из определенной степени их вероятности. При использовании презумпций суд устанавливает только закрепленный в гипотезе презумптивной нормы наличный факт, связанный с фактом презюмируемым, выступающий

в качестве основы решения и, как следствие, влекущий определенные материально-правовые последствия. В другом случае презумпция распределяет бремя доказывания, указывая на то, кто и каким образом опровергает презюмируемый факт, что позволяет устранить споры, ускорить по ним разбирательство, принять законное и обоснованное решение» [25, с. 53]. Так, например, в литературе выделяются характерные признаки процессуальных презумпций: «1) они возникают в процессе разрешения социальных конфликтов; 2) в их основе лежит опыт разрешения социальных конфликтов; 3) они всегда публичны, поскольку все виды судопроизводства осуществляются от имени государства» и др. [28, с. 257; 29, с. 19].

Таким образом, можно сделать общий вывод, что если с помощью правовой нормы сформулировано правило о распределении бремени доказывания, презумпция является процессуальной; если же имеется императивный запрет или дозволение, на основании которого правоприменитель действует, перед нами презумпция материального характера. Так, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не должно отвечать за свои поступки ввиду неспособности понимать свои действия и руководить ими — материальная презумпция, а предположение об истинности вступившего в законную силу приговора (или иного решения), возлагающее бремя доказывания на участника, не согласного с этим судебным

решением, — процессуальная презумпция. Таким образом, одним из основных свойств процессуальной презумпции остается распределение бремени доказывания, рассмотренное в работе ранее.

На основании обобщения представленных теоретических суждений и собственных выводов о правовых презумпциях следует перечислить их характерные свойства. Итак, правовые презумпции в уголовном судопроизводстве: 1) отражают повторяемость явлений, обстоятельств, жизненных процессов, приобретают характер закономерности; 2) вероятностным характером и придают законный характер обстоятельствам, если не предложено доказательств обратного; 3) опровержимы; 4) бремя доказывания между сторонами; 5) способствуют процессуальной эффективности и экономии средств познавательной деятельности.

Таким образом, правовая презумпция в уголовном судопроизводстве — это прием юридической техники, существующий в виде законного предписания (при этом не обязательно именуемый в тексте закона презумпцией), который представляет собой предположение о фактах, подтвержденных или опровергнутых при расследовании и рассмотрении уголовного дела, распределяющий бремя доказывания между сторонами. Использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В.И. Каминская. — Москва : АН СССР, 1948. — 132 с.
2. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.К. Бабаев. — Свердловск, 1969. — 24 с.
3. Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ф.Г. Шахкелдов. — Ростов на Дону, 2006. — 39 с.

4. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права : учебник / С.С. Алексеев. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. — 211 с.
5. Булаевский Б.А. Функции правовых презумпций / Б.А. Булаевский // Журнал российского права. — 2011. — № 3. — С. 33–14.
6. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание / З.З. Зинатуллин, Т.З. Егорова, Т.З. Зинатуллин. — Ижевск : Детектив-информ, 2003. — 228 с.
7. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного судопроизводства / Н.Н. Полянский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 271 с.
8. Барабаш А.С. Вклад Ивана Яковлевича Фойницкого в определение места состязательности в российском уголовном процессе / А.С. Барабаш // Российское правосудие. — 2008. — № 3. — С. 102–104.
9. Головкин Л.В. Идеи М.С. Строговича и современность: переосмысливая принцип состязательности / Л.В. Головкин // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича : материалы конф. (24–25 октября 2019 г.). — Москва, 2020. — С. 5–13.
10. Корнакова С.В. Состязательность — условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве / С.В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2009. — № 1 (7). — С. 92–97.
11. Цыбулевская О.И. Презумпция невиновности: аксиологическое измерение / О.И. Цыбулевская, А.Н. Омариева // Вестник Поволжского института управления. — 2015. — № 4 (49). — С. 51–57.
12. Деришев Ю.В. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении / Ю.В. Деришев, Е.И. Земляничин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 3 (29). — С. 95–100.
13. Цыбулевская О.И. Презумпция невиновности: нравственный аспект / О.И. Цыбулевская // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 571–573.
14. Смирнов А.В. Уголовный процесс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под ред. А.В. Смирнова. — 8-е изд., перераб. — Москва : Инфра-М, 2020. — 784 с.
15. Фетисов А.К. Неопровержимые презумпции в праве России / А.К. Фетисов // Юрист. — 2005. — № 6. — С. 18–21.
16. Каландаришвили Х.А. К вопросу о терминологическом анализе и видах уголовно-процессуальных презумпций / Х.А. Каландаришвили // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — № 1 (7). — С. 5–9.
17. Мейер Д.И. О юридических вымыслах, предположениях, скрытых и притворных действиях / Д.И. Мейер. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1854. — 127 с.
18. Лукич Р. Методология права / Р. Лукич. — Москва : Прогресс, 1981. — 302 с.
19. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. — Москва : Проспект, 2000. — 144 с.
20. Емузов А.С. Приоритет достижения юридической истины перед иными целями доказывания в условиях состязательности / А.С. Емузов // Адвокатская практика. — 2004. — № 4. — С. 11–13.
21. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.Б. Мизулина. — Ярославль, 1991. — 269 с.
22. Карякин Е.А. Взгляд на состязательное уголовное судопроизводство сквозь призму процессуальной формы / Е.А. Карякин // Уголовное право. — 2005. — № 4. — С. 68–71.
23. Грешнова Н.А. Проблема реализации принципа состязательности в рамках установления истины в уголовном судопроизводстве / Н.А. Грешнова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — № 3 (37). — С. 122–128.
24. Панько К.К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и классификация / К.К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2013. — № 1 (14). — С. 311–326.
25. Пронина М.П. Эффективность правовых презумпций: понятие, критерии / М.П. Пронина // Юридический мир. — 2010. — № 7. — С. 51–56.

26. Зуев Ю.Г. Уголовно-правовые презумпции: понятие, признаки и виды / Ю.Г. Зуев // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. — Нижний Новгород, 2000. — С. 331–338.

27. Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид наук : 12.00.08 / В.В. Тарасенко. — Краснодар, 2017. — 27 с.

28. Колоколов Н.А. Роль презумпций в российском судопроизводстве / Н.А. Колоколов // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 253–258.

29. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 264 с.

REFERENCES

1. Kaminskaya V.I. *The Doctrine of Legal Presumptions in Criminal Proceedings*. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1948. 132 p.

2. Babaev V.K. *Presumptions in Soviet Law. Cand. Diss. Thesis*. Sverdlovsk, 1969. 24 p.

3. Shakhkeldov F.G. *The conceptual aspects of the presumption of innocence in the criminal process: genesis and trends of improving. Doct. Diss. Thesis*. Rostov-on-Don, 2006. 39 p.

4. Alekseev S.S. *General theory of socialist law*. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 211 p.

5. Bulaevsky B.A. Functions of legal presumptions. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2011, no. 3, pp. 13–14. (In Russian).

6. Zinatullin Z.Z., Egorova T.Z., Zinatullin T.Z. *Criminal procedure proof*. Izhevsk, Detektiv-inform Publ., 2003. 228 p.

7. Polyanskii N.N. *Theoretical Issues of Soviet Criminal Process*. Lomonosov Moscow State University Publ., 1956. 271 p.

8. Barabash A.S. I.Y. Foynitskii contribution to the determination of the place for adversary character in the Russian criminal proceedings. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2008, no. 3, pp. 102–104. (In Russian).

9. Golovko L.V. M.S. Strogovich's Ideas and Modernity: Rethinking the Principle of Competition. *The Nature of Russian Criminal Procedure and the Principle of Adversarial Proceedings: to the 125th Anniversary of M.S. Strogovich birthday. Materials of Conference, (October 24-25, 2019)*. Moscow, 2020, pp. 5–13. (In Russian).

10. Kornakova S.V. Adversarial nature as a condition of equality of the parties in criminal procedure. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2009, no. 1, pp. 92–97. (In Russian).

11. Tsybulevskaya O.I., Omarieva A.N. Presumption of innocence: the axiological dimension. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = The bulletin of the Volga region institute of administration*, 2015, no. 4, pp. 51–57. (In Russian).

12. Derishev Yu.V., Zemlyanitsin E.I. Procedural status of the person against whom a preliminary verification of reporting a crime is conducted. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 3, pp. 95–100. (In Russian).

13. Tsybulevskaya O.I. Presumption of innocence: moral aspect. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2010, no. 4, pp. 571–573. (In Russian).

14. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B.; Smirnov A.V. (ed.). *Criminal Procedure*. 8th ed. Moscow, Infra-M Publ., 2020. 784 p.

15. Fetisov A.K. Irrefutable presumptions in the law of Russia. *Yurist = Jurist*, 2005, no. 6, pp. 18–21. (In Russian).

16. Kalandarishvili H.A. To the question of terminological analysis and the types of criminal procedural presumptions. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2015, no. 1, pp. 5–9. (In Russian).

17. Meyer D.I. *On legal fictions and assumptions, on hidden and pretended actions*. Kazan University Publ., 1854. 127 p.

18. Lukich R. *Methodology of law*. Moscow, Progress Publ., 1981. 302 p.

19. Orlov Yu.K. *Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings*. Moscow, Prospekt Publ., 2000. 144 p.

20. Emuzov A.S. The priority of achieving the judicial truth over other goals of proving in the adversarial system. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2004, no. 4, pp. 11–13. (In Russian).

21. Mizulina E.B. *Criminal Procedure: the Concept of State Self-Restraint. Doct. Diss.* Yaroslavl, 1991. 269 p.

22. Karyakin E.A. A view of the adversarial system of criminal proceedings through the prism of the procedural one. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2005, no. 4, pp. 68–71. (In Russian).

23. Greshnova N.A. The problem of the implementation of the adversarial principle in the framework of establishing the truth in criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2016, no. 3, pp. 122–128. (In Russian).

24. Panko K.K. Presumptions in criminal law and process, meaning and classification. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2013, no. 1, pp. 311–326. (In Russian).

25. Pronina M.P. Efficiency of legal presumptions: concept, criteria. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2010, no. 7, pp. 51–56. (In Russian).

26. Zuev Yu.G. Criminal law presumptions: concept, signs and types. In Baranov V.M. (ed.). *Issues of Juridical Technique*. Nizhny Novgorod, 2000, pp. 331–338. (In Russian).

27. Tarasenko V.V. *Presumptions and fictions in modern criminal law of Russia. Cand. Diss. Thesis*. Krasnodar, 2017. 27 p.

28. Kolokolov N.A. The role of presumptions in Russian legal proceedings. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2010, no. 4, pp. 253–258. (In Russian).

29. Kolokolov N.A. (ed.). *Theory of criminal procedure: presumptions and prejudices*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каландаришвили Христина Александровна — старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Christina A. Kalandarishvili — Lecturer, Department of Criminal Procedure Law and Criminology, East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 27.10.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.11.2021

Принята к публикации / Accepted 09.12.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 22.12.2021